

Профессор
Иван Григорьевич
САВЧЕНКО.

Профессор Иван Григорьевич Савченко*).

Проф. В. С. Груздева.

(С портретом).

Последние годы прошлого столетия и первые—нынешнего были временем расцвета Казанского университета вообще и медицинского факультета его в частности. Будучи самым восточным из европейских университетов, обладая сравнительно бедными лабораториями и клиниками, он по своим научным достижениям сравнился со своими гораздо более богато обставленными западно-европейскими собратьями. Объясняется это тем, что большинство его кафедр было занято тогда лицами, которые высоко держали знамя науки и, несмотря на неблагоприятную обстановку, сумели создать целые школы, ставшие рассадниками научных работников для всей тогдашней России. В этой блестящей плеяде научных деятелей, сделавших Казанский университет известным во всем ученом мире, далеко не последнее место занимает один из крупнейших русских бактериологов—Иван Григорьевич Савченко.

Я—не бактериолог, и мне трудно будет с надлежащею полнотою обрисовать многогранную деятельность Ивана Григорьевича в той научной области, которой он посвятил всю свою жизнь. Но долготелная служба вместе с ним, тесные дружеские отношения, всегда нас связывавшие, и помощь ближайших учеников Ивана Григорьевича, среди которых отмечу прежде всего его преемника по Казанскому бактериологическому институту, проф. В. М. Аристовского, дают мне возможность сделать эту попытку.

Хотя имя И. Г. Савченко неразрывно связано с нашим университетом, хотя именно в Казани он создал школу, из которой вышли профессора В. М. Добросмыслов в Перми, А. А. Мелких в Иркутске, покойный К. З. Клепцов в Казани, В. А. Барыкин в Москве, А. И. Бердников в Париже, В. К. Меншиков и В. М. Аристовский в Казани,—сам Иван Григорьевич—не казанец: украинец по происхождению, родившийся 18 февраля 1862 г. в Роменском у. Полтавской губ., он получил высшее медицинское образование в Киевском университете. По окончании, в 1888 г., медицинского факультета последнего ему посчастливилось найти такого талантливую руководителя, каким был покойный профессор Владимир Валерианович Подвысоцкий, занимавший тогда в Киеве кафедру общей патологии. Поступив в его лабораторию, сначала в скромной должности

*). Сообщено в заседании Общества врачей при Казанском университете 18/XII 1929 г., посвященном 40-летию ученой деятельности проф. И. Г. Савченко.

помощника прозектора, Иван Григорьевич с первых же шагов развил здесь энергичную научную деятельность в той области, поразительный прогресс которой привлекал тогда к себе всеобщее внимание,— я разумею область инфекционной патологии.

Время, когда Иван Григорьевич впервые выступил на научное поприще, было как раз временем, когда бессмертные открытия Pasteur'a прогремели повсюду,—когда последний, по выражению его знаменитого учителя Dumas, „в бесконечно-малых существах открыл третье царство природы“, царство микробов, а своими прививками куриной холеры, сибирской язвы и особенно бешенства положил основание учению об иммунитете. Во всех культурных странах началась кипучая разработка идей Pasteur'a, не осталась безучастною к этой работе и наша родина. Но ни особых кафедр бактериологии при наших университетах, ни специальных бактериологических институтов у нас тогда,—как, впрочем, и везде,—не существовало. Разработка вопросов бактериологии производилась у нас то при кафедрах хирургической патологии, то в лабораториях общей патологии, гигиены и пр. Лаборатория профессора Подвысоцкого в Киеве была как раз одною из таких, где вопросами бактериологии и иммунитета живо интересовались как сам руководитель ее, так и ближайшие его сотрудники, и вот, мы видим, что в первые же годы после поступления Ивана Григорьевича в эту лабораторию он выпускает отсюда целый ряд работ в данной области,—работ, в которых предугадываются некоторые крупнейшие идеи, лишь в наше время сделавшиеся достоянием науки.

Так, в работе, опубликованной в *Centralblatt f. Bacteriologie* за 1891 г. под заглавием „Zur Frage über die Immunität gegen Milzbrand“, молодой исследователь ясно подчеркивает значение входных ворот инфекции при сибирской язве и выдвигает явления местной чувствительности и местного иммунитета, занимающие в настоящее время умы бактериологов и иммунологов.

В работе „Die Beziehung der Fliegen zur Verbreitung der Cholera“, напечатанной в том же журнале за 1892 г., Иван Григорьевич доказывает важную роль комнатных мух в распространении холеры.

Еще более крупное открытие,—открытие, практическая важность которого выяснилась лишь в новейшее время,—делает Иван Григорьевич совместно со своим товарищем, ныне президентом Украинской академии наук, профессором Даниилом Кирилловичем Заболотным, в вопросе об иммунизации к холере, доказывая (см. их статью „Опыт иммунизации человека против холеры“, помещенную во „Враче“ за 1893 г., и „Добавление“ к этой статье, помещенное там же) возможность иммунизации против этой болезни приемами вакцины *per os*.

Заслуживает внимания,—даже, я бы сказал, удивления,—тот истинно героический способ, к которому прибегли Иван Григорьевич и Даниил Кириллович, чтобы доказать возможность такой иммунизации: рискуя собственной жизнью, они поставили опыты в этом направлении на самих себе.

Кроме работ в области бактериологии и иммунитета, среди которых упомянем еще работу о бацилярном псевдо-актиномикозе, напечатанную в I томе „Рус. арх. патологии“, Иван Григорьевич много занимался в лаборатории профессора Подвысоцкого и вопросами пато-

логической гистологии. Первым исследованием такого рода, опубликованным им в печати, было исследование об изменениях костей при проказе, помещенное в Ziegler'овских Beiträge, т. IX. Далее, он изучал патолого-гистологические изменения, имеющие место при холере (статья напечатана во „Враче“ за 1893 г.), но особенно много работал над вопросом о паразитах рака. Работы эти, — „О паразитизме в раковых опухолях“ („Врач“, 1892), „Weitere Untersuchungen über schmarotzende Sporozoen in den Krebsgeschwülsten“ (Centr. f. Bacteriologie, 1892), „Die Sporozoen in Geschwülsten“ (Biblioteca medica, 1895) и диссертация „Споровиковые чужеродные в злокачественных опухолях“ (Киев, 1894), — попали во все учебники общей патологии и патологической анатомии, не только русские, но и иностранные, и сделали имя Ивана Григорьевича известным всему ученому миру, а последняя из них, после публичной защиты, доставила ее автору степень доктора медицины. Как известно, проблема возникновения рака и до настоящего времени остается нерешенною. Многие крупные ученые до сих пор, подобно Ивану Григорьевичу, высказываются в пользу паразитарного происхождения раковых и вообще злокачественных опухолей. Важно отметить, что, защищая такое происхождение рака, он подчеркивает, что воздействие паразитарных возбудителей рака на ткани является своеобразным, не имеющим аналогии с воздействием на них патогенных бактерий, — мысль, сохранившая свое глубокое значение до настоящего времени.

Вскоре после защиты докторской диссертации Иван Григорьевич получает от медицинского факультета Киевского университета звание приват-доцента общей патологии и в этом звании начинает свою преподавательскую деятельность, читая курсы патологии инфекционных болезней.

В 1896 г. исполняется горячее желание Ивана Григорьевича, — он получает годичную командировку за границу, и для него открывается возможность поехать в Париж, в Pasteur'овский Институт, бывший тогда, как и теперь, центром притяжения для бактериологов всех стран. Правда, самого Pasteur'a тогда уже не было в живых, — он скончался в предыдущем 1895 г., но остались такие его ученики, как Мечников, Roux, Duclaux и др., энергично продолжавшие дело своего великого учителя. Под их руководством Иван Григорьевич принял живое участие в кипучей работе Pasteur'овского Института, плодом чего является его исследование о значении антибактериальных веществ и живых клеток при иммунитете к сибирской язве, появившееся на русском языке в „Архиве“ Подвысоцкого, 1897 г., т. III, а на французском — в Ann. de l' Inst. Pasteur, 1897. Продолжал И. Г. работать здесь и по вопросу о паразитах опухолей (на крысах).

Не успел еще молодой исследователь приехать из Парижа, как 5 декабря 1896 г. получил назначение на кафедру общей патологии в Казанский университет, освободившуюся за увольнением профессора Алексея Николаевича Хорвата, и с тех пор начинается длящийся свыше 20 лет период его казанской деятельности, — деятельности, навсегда зафиксировавшей имя Ивана Григорьевича в анналах нашего университета.

Деятельность эта слишком свежа, чтобы на ней была необходимость подробно останавливаться. В Казани она протекала в том же

направлении, в каком была столь блестяще начата в Киеве и продолжалась в Париже. В противоположность своему предшественнику по кафедре, проф. Хорвату, — крупнейшему исследователю в области патологической физиологии, но совершенно игнорировавшему инфекционную патологию, — Иван Григорьевич центр тяжести и преподавания, и научно-исследовательской работы занимаемой им кафедры, подобно своему учителю, проф. Подвысоцкому, и в соответствии с требованиями времени, переместил в сторону этой последней.

Совершенно естественно, что, когда в Казани, по инициативе покойного профессора Николая Федоровича Высоцкого, возник один из первых в России бактериологических институтов, Иван Григорьевич с самого основания его стал играть в нем главную роль. Сделавшись в 1901 г., по поручению Медицинского факультета, заведывающим научным отделением Института, он перенес в него преподавание общей патологии и впервые в Казанском университете организовал здесь преподавание бактериологии студентам-медикам (с 1903 г.).

Каков был Иван Григорьевич, как преподаватель, — это, конечно, хорошо помнят многие из присутствующих здесь: влюбленный в свою науку, живой и подвижный, он, по словам профессора Аристовского^{*)}, „невольно заражал своим настроением слушателей... Его смелые, подчас резкие суждения, соединенные с богатой научной фантазией, невольно вызывали живой интерес к затрагиваемым им темам, будируя мысль и раскрывая перед слушателями широкие горизонты. Эта черта Ивана Григорьевича придавала особенный блеск и интерес его лекциям, которые всегда собирали переполненную аудиторию“...

Среди студентов Иван Григорьевич слыл строгим, требовательным преподавателем, и это вполне понятно: высоко ценя звание врача, придавая громадное значение т. наз. „теоретическим“ дисциплинам в общей системе высшего медицинского образования, прекрасно понимая, насколько необходимо для современного медика знание основ общей патологии и бактериологии, он считал своим долгом требовать от студентов этого знания, и это, в соединении с сангвиничностью, вспыльчивостью его характера, сказывавшеюся нередко на экзаменах, производило впечатление излишней требовательности. Эта требовательность не мешала, однако, тому, что чуткая молодежь высоко ценила его преданность науке, его прямую, кристально-чистую натуру, несмотря на стычки на экзаменах любила его и гордилась честью быть его учениками.

Казанский бактериологический институт был местом и научно-исследовательской работы Ивана Григорьевича и его учеников. Лаборатория общей патологии, довольствоваться которою ему пришлось в первые годы пребывания в Казани, по тесноте своего помещения и крайней скудости оборудования не могла служить таким местом, хотя Ивану Григорьевичу и удалось и отсюда выпустить целый ряд солидных трудов. Таковы его работы: „Острый ревматизм и бактерия *Ashalm'e'a*“ (Русский архив патологии, 1898 г., т. V), „Споровиковые чужеродные и патогенные дрожжи“ (там же), „К биологии бактерии острого ревматизма“ (совместно с д-ром А. А. Мелких, Русский архив патологии,

^{*)} В. М. Аристовский. Биографический очерк П. Г. Савченко, предназначенный для журнала „Гигиена и Эпидемиология“.

1899 г., т. VIII), „К вопросу об иммунитете при возвратной горячке“ (там же, 1900 г., т. IX) и др.

Однако, именно перейдя в стены Бактериологического института, Иван Григорьевич получил возможность во всей широте развернуть свою научно творческую деятельность, здесь создал он центр, привлечший к себе многочисленных научных работников, отсюда главным образом вышли перечисленные мною выше профессоры, занимающие кафедры бактериологии и других медицинских дисциплин на всем пространстве нашего Союза от Москвы до отдаленного Иркутска. Лишенный возможности дать характеристику научной деятельности самого Ивана Григорьевича в Казанском бактериологическом институте, предоставляю здесь опять слово профессору В. М. Аристовскому. „Работая в период блестящих открытий в области учения об инфекциях и иммунитете, в период горячих споров между Мечниковскою и немецкою школой иммунологов,—говорит В. М. в уже цитированном мною очерке,—главную долю своего внимания Иван Григорьевич уделяет вопросам фагоцитарного иммунитета. Из-под его пера выходит целый ряд работ, касающихся явлений фагоцитоза при отдельных инфекциях (сибирская язва, гесциггенс) и роли отдельных ингредиентов в акте фагоцитоза. Изучив частные явления в акте фагоцитоза *in vivo* и *in vitro*, Иван Григорьевич посвящает ряд статей теории фагоцитарной реакции (Архив биол. наук за 1909—1911 гг.). Разбирая механизм фагоцитоза, как результат физических изменений поверхностных слоев фагоцита и объекта фагоцитоза, он расчленяет сложный акт фагоцитоза на отдельные этапы (явления коагуляции, погружение объекта фагоцитоза в протоплазму лейкоцита и пр.), стремясь при этом определить роль отдельных факторов, участвующих в реакции и вызывающих изменение поверхностных сил, которыми в каждый отдельный момент определяется взаимоотношение между лейкоцитом и объектом фагоцитоза“...

Работая в стенах Казанского бактериологического института, И. Г. впервые, в 1905 г., изготовил здесь сыворотку против скарлатины, нашедшую в настоящее время столь широкое применение преимущественно в Америке, причем приоритет открытия ее и американцами не оспаривается у И. Г. Здесь же он начал изготавливать антипневмококковую сыворотку и пр., и пр.

Летом 1918 г. Иван Григорьевич уехал из Казани в очередной каникулярный отпуск к себе на родину, в Полтавскую губ. Вместо обычного отдыха ему, однако, пришлось испытать на себе различные перипетии в зависимости от неоднократно менявшегося в те годы политического положения Украины. „Белые“, „красные“, „зеленые“, махновцы, петлюровцы, гетманцы и пр., и пр. много раз беспокоили своими налетами скромный хутор, где Иван Григорьевич обычно проводил лето. Не раз ему и его семейным приходилось спасать свою жизнь поспешным бегством. Он лишился всего своего имущества, часто не имел пристанища, вел полуголодное существование и, что еще тяжелее, потерял обоих своих сыновей. Но все эти потери не угасили ни энергии Ивана Григорьевича, ни его преданности науке.

Отрезанный от Казани, занесенный судьбою на далекую Кубань, в Краснодар, он вместе с другими подобными же профессорами-беженцами, среди которых упомянем Н. Н. Петрова, Н. Ф. Мельни-

кова-Разведенкова и др., при первой же возможности организует здесь новый рассадник высшего медицинского образования, Кубанский медицинский институт, где берет на себя преподавание общей патологии и медицинской микробиологии. Благодаря главным образом Ивану Григорьевичу, старавшемуся вдохнуть в него тот дух, которым была проникнута вся его деятельность в Казанском университете, институт этот, — как я вочью лично убедился при недавнем посещении Краснодара, — несмотря на свою сравнительную юность, уже в настоящее время может претендовать на почетное место среди других высших медицинских школ нашего Союза.

В Краснодаре же Иван Григорьевич организует, при живой поддержке местных советских властей, из существовавшей здесь раньше небольшой городской лабораторией обласной Химико-бактериологический и санитарный институт, по своему благоустройству и широкой деятельности пользующийся всесоюзною известностью.

В стенах этого института Иван Григорьевич продолжал и продолжает интенсивную научную работу по различным вопросам инфекционной патологии. Ряд выпущенных им отсюда высокого теоретического и практического значения работ, посвященных малярии, тифозным заболеваниям, холере и пр., красноречиво свидетельствуют, что ни преклонный возраст, ни тяжелые семейные потери, ни болезнь, — Иван Григорьевич за последнее время страдает припадками астмы, — не повлияли на интенсивность его научно-творческой деятельности. Образчиком этих работ может служить исследование „О присутствии в сыворотках лихорадочных больных веществ, дающих отклонение комплемента с экстрактами из нормальной крови“, опубликованное Иваном Григорьевичем, совместно с д-ром И. М. Бароновым, на страницах „Казанского медицинского журнала“ за 1926 г., № 5—6.

Под руководством Ивана Григорьевича Кубанский химико-бактериологический институт, подобно Казанскому, сделался центром, привлекающим научных работников, воодушевляемых примером своего учителя, — и здесь Ивану Григорьевичу удалось создать целую школу молодых бактериологов, многочисленные труды которых то и дело появляются в русских и иностранных периодических изданиях, в том числе и в журнале нашего Общества.

Краснодарский период жизни Ивана Григорьевича, помимо широкой научной и преподавательской деятельности, отмечается еще столь же интенсивной работой общественно-санитарного характера. „Можно без преувеличения сказать, — говорит профессор В. М. Аристовский, — что ни одно противозидемическое мероприятие не проводилось в крае без его санкции, без его авторитетных указаний“. Состоя консультантом Кубанского окружного здравотдела, консультантом 2-й городской заразной больницы в Краснодаре и заведывающим Окружной малярийной станцией, Иван Григорьевич поставил на рациональную почву борьбу с малярией, являющеюся настоящим бичем Кубанского края, оказал Краснодару огромные услуги по ликвидации вспыхнувшей здесь в последние годы брюшнотифозной эпидемии, принял живое участие в борьбе со скарлатиной здесь, его авторитетными указаниями всегда пользуется местный здравотдел при разрешении различных вопросов коммунальной санитарии, водоснабжения города и пр., и пр.

Таков,—сознаюсь, бледный,—абрис научной, преподавательской и общественной деятельности Ивана Григорьевича в различные периоды его жизни. В заключение мне, как лицу, близко знающему Ивана Григорьевича, хотелось бы сказать несколько слов об нем, как о человеке.

Основными чертами характера Ивана Григорьевича я считал бы его поистине кристальную честность, прямоту и искренность. Никогда не шел он кривыми путями, никогда не подлаживался к „сильным мира сего“. Он всегда открыто высказывал свои убеждения и горячо, иногда даже запальчиво отстаивал их, касались ли они научных вопросов, или вопросов морального характера. При вспыльчивой натуре Ивана Григорьевича это иногда вело его к столкновениям и ссорам даже с близкими друзьями, но это несколько не мешало всем, близко знавшим его, любить и глубоко уважать Ивана Григорьевича.
